



ПРИВОЛЬНЫЯ МѢСТА СИБИРИ.

СТЕПИ И МОРЕ.

Тотчасъ по перевалѣ черезъ Уралъ, передъ вами открывается обширнѣйшая въ мірѣ азіатская низменность, по наклонной плоскости которой тихо струятся широкія сибирскія рѣки, проходя всѣ климаты, отъ жаркихъ долинъ Южной Сибири до Сѣвернаго Полярнаго моря. Отъ запада къ востоку и съ юга на сѣверъ тянутся безконечныя степныя пространства. Сначала вы встрѣчаетесь съ Ишимскою степью, затѣмъ тянется почти на 2,000 верстъ Барабинская, къ сѣверу отъ нея Васьюганская степь, а на востокъ—Кулундинскія степи. Степи, эти съ одной стороны, примыкаютъ къ горному Алтаю, съ другой—сливаются съ настоящими степями средней Азіи. Характеръ собственно сибирскихъ степей весьма отличенъ отъ степей киргизскихъ, покрытыхъ мелкою травой, страдающихъ недостаткомъ воды и лѣса. Сибирскія степи—это низменности, покрытыя травой, березняками, озерами и болотами; иногда эти болота принимаютъ видъ обширныхъ трясинъ и зарослей; въ срединѣ степей стоятъ цѣлыя бассейны озеръ; чѣмъ ближе къ Каинской Барабѣ, тѣмъ почва становится влажнѣе и лѣсистѣе; наконецъ, къ сѣверу, на водораздѣлѣ притоковъ Иртыша и Оби, эти степи превращаются въ сплошныя болотистыя и лѣсистыя пространства, извѣстныя подъ именемъ Каинскихъ и Васьюганскихъ урмановъ. Непроходимые дѣвственные лѣса здѣсь чередуются съ раздольными водами, иногда представляя сплошное море зелени на сотни верстъ, которое не охватить взоръ, топкія и глубокія болота покрыты высокими травами, скрывающими гибельную трясику. Разливающіяся на сотню верстъ воды, огромные лѣса съ великанами-деревьями въ нѣсколько обхватовъ, высокіе тростники и гигантскія кочки, сажени въ двѣ вышины, своими необыкновенными размѣрами показываютъ просторъ и мощь природы. Эти лѣсныя пустыни поражаютъ дикостью, безмолвіемъ и своимъ по-

давяющимъ величіемъ вызываютъ изумленіе и благоговѣніе заброшеннаго сюда путника ¹.

Такимъ образомъ, сибирскія степи, сливаясь съ лѣсной полосой, поражаютъ крайнимъ разнообразіемъ. Нашъ путь лежалъ съ юго-западу къ центру степной Барабы, съ ея водными бассейнами.

Пейсажъ Барабинской степи хорошо извѣстенъ сибирякамъ. Отъ горизонта до горизонта ровная зеленая, травянистая степь, покрытая березовыми лѣсками и колками, перемежающимися лугами; по нимъ тянется чернѣющая, какъ лента, дорога, мѣстами проходящая по такъ-называемымъ уваламъ и гривамъ; по сторонамъ видны болота, заросшія камышами, и озера, покрытыя цѣлыми стаями разнообразной дичи. Достаточно, однако, пугливаго звука, чтобы обнаружить жизнь этихъ озеръ; тогда отъ одного выстрѣла поднимаются сотни и тысячи птицъ, съ пискомъ закружатся стаи куликовъ, встрепаются и начнутъ описывать дуги коричневыхъ утки, потянутся въ даль вереницы гусей, журавлей, поднимутся бѣлые лебеди, и тяжелымъ шумомъ своихъ крыльевъ всколыхнутъ спокойныя воды озера; нѣсколько времени съ тревожнымъ крикомъ кружится дичь около озера, подобно темной тучѣ, но затѣмъ также спокойно спускается въ камыши и погружается въ озеро. Мѣстами видъ «березовой степи», какъ назвалъ ее Миддендорфъ, разнообразитъ пашня съ характернымъ землянымъ сибирскимъ балаганомъ, да огромный Барабинскій орелъ, сидящій на сухой березѣ или вѣхѣ.

Когда-то эта равнина, говорятъ ученые, была покрыта обширнымъ прѣсноводнымъ моремъ. Нынѣ, съ юга Бараба кажется сухою, унылою степью, покрытою мѣстами солончаками. Тѣмъ нетерпѣливѣе ожидали мы приблизиться къ обширному внутреннему морю, лежащему въ срединѣ степей, къ озеру Чанамъ, достигающему длиною до 100 верстъ и составляющему площадь въ 2876 верстъ. Большіе бѣлые шахматы солонцевъ указывали на приближеніе къ нему. Наконецъ, 4-го мая мелькнуло передъ нами изъ-за послѣднихъ гривъ огромное стекловидное пространство водъ. Когда мы остановились на берегу его, въ селѣ Юдиномъ, передъ нами открылась его панорама. Широко до горизонта разстилалась спокойная гладь водъ, блистающая нѣжностью красокъ чисто морского колорита, съ юго-запада замыкали его ровные глинистые берега, отчего у берега вода была янтарнаго цвѣта; затѣмъ съ права и съ лѣва озеро прорѣзывали блѣдно-зеленыя изумрудныя полосы, переходившія далѣе въ нѣж-

¹ Урманы эти до сихъ поръ мало кѣмъ посѣщаются, кромѣ промышленниковъ. Живописное описаніе ихъ когда-то было сдѣлано Колмогоровымъ.

по-голубой, затѣмъ въ темно-синій цвѣтъ. Наконецъ, открывалась безконечная даль, гдѣ свѣтлая линія водъ незамѣтно сливалась съ небомъ. Спокойное зеркальное состояніе водъ, съ ласкающей глазъ нѣгою красокъ, голубое весеннее небо, съ перистыми облаками, мягкій и теплый воздухъ, послѣдніе остатки льдинокъ, уносящихся и тающихъ въ синихъ водахъ на горизонтѣ озера, дымка едва выступающихъ острововъ, мелькающій бѣлый парусъ — все это придавало прелестный, спокойно-величественный видъ сибирскому морю. Нѣсколько разъ мы видѣли это озеро въ продолженіи дня, и каждый разъ оно мѣняло свои краски, переходя, подъ влияніемъ цвѣта неба, изъ бѣлаго молочнаго въ сѣрый и угрюмый колоритъ бурнаго моря, то оно опять являлось улыбающимся голубымъ подъ лучами солнца, то одѣтымъ розовымъ и лиловымъ пурпуромъ облаковъ отъ заходящаго и восходящаго солнца. Къ вечеру мы услышали глухой шумъ, похожій на шумъ водопада, на озерѣ началась рябь, и это былъ рокотъ отъ движенія громаднаго бассейна водъ. Такой шумъ слышенъ только на берегахъ дѣйствительнаго моря. Во время волненія, озеро поднимаетъ валы на два аршина слишкомъ, а валъ его набѣгаетъ на берегъ до десяти сажень. Въ обыкновенное время, это тихое, спокойное озеро, ничтожная глубина у берега, огромныя мели его даютъ возможность плескаться въ немъ даже ребенку. Массы купающихся дѣтей покрывали на утро его берегъ. Съ береговъ этого моря видѣются иногда острова, подернутые голубою дымкою тумана. Мы посѣтили одинъ изъ нихъ. Раннимъ майскимъ утромъ все озеро было подернуто молочнымъ колоритомъ; вода, воздухъ и туманъ, застилавшій берега, сливались въ одно; мы плыли какъ бы въ молокѣ, и среди всего этого только едва намѣчались легкіе абрисы острововъ. Къ полдню эти острова открылись во всей роскоши. На нихъ обрисовались зеленыя березовыя рощи, камыши и маленькія деревеньки, съ чернѣющими кругомъ мельницами. Эти острова, казалось, плавали въ синевѣ неба и воды, отражаясь съ своей свѣжею зеленью, съ повернутыми вверхъ ногами мельницами и домами въ зеркальной спокойной поверхности водъ. Гармоническіе тоны неба сливались съ водою, и между ними рисовались темныя полосы одного за другимъ выступающихъ острововъ. Подъ блестящимъ яркимъ солнцемъ сверкали воды, и въ лучахъ этого солнца тихо колыхались два ослѣпительно-бѣлые лебедя. Плавая въ синевѣ озера, они широко раскрывали крылья, какъ бы нѣжась и расправляя ихъ, и опять погружались въ созерцаніе лазурной дали, спокойные и безмятежные. Скоро мы увидѣли цѣлыя стада этихъ лебедей; они покрывали озеро, какъ бѣлые фрегаты. Съ

берега можно было видѣть ихъ гордыя, тихо поворачивающіяся фигуры; они начинали чутко прислушиваться; наконецъ, все озеро огласилось тревожными криками; стадо, штукъ въ 50, подняло крылья и съ страшнымъ шумомъ и плескомъ кинулось въ даль озера. Постепенно начинали подниматься и другія; одни съ шумомъ бороздили воды, махая крыльями, другіе удалялись, какъ спокойные корабли. Это спокойное и прекрасное озеро какъ бы создано для этихъ птицъ. Жалко было нарушить это величественное царство пернатыхъ. Недаромъ эта птица, съ своимъ заунывнымъ крикомъ, окружена миѳическимъ ореоломъ. Она отождествляется съ непорочною человѣческою душою, и наивные крестьяне Барабы говорятъ суевѣрно: «Кто убьетъ лебедя, тотъ найдетъ свою смерть». По крайней мѣрѣ, насъ увѣрялъ въ этомъ даже охотникъ.

Таковъ былъ видъ этой пустыни, этихъ озеръ и острововъ. Трудно было не любоваться на нихъ, не хотѣлось съ ними какъ-то разстаться, все бы смотрѣлъ въ эту голубую даль, въ эти неподвижныя свѣтлыя воды.—Хороши у насъ мѣста, вторить вамъ ямщикъ:—тутъ у насъ недавно засѣдатель залюбовался; приказалъ на острова себя везти, на лодкахъ повозку-то перевозили, а тамъ запрягли лошадей, да и пошли по острову кататься, лошади лихія, ну, цѣлый день и катали! Да, хороши мѣста коли самого засѣдателя пробрало.

Когда мы обогнули озеро, показались другія меньшія озера, когда-то соединившіяся съ Чанами. Они также были усыяны лебедями и отличались отъ моря Чановъ тѣмъ, что кругомъ ихъ облегали берега, извиваясь узкою темною линіею, покрытые синевою рощъ, по берегамъ рисовались темные абрисы деревень и изъ-за рощъ поднимался иногда столбъ дыма, далеко разносившійся по небу. Это были *палы*—горящая степь.

По берегамъ озеръ открывалась тоже безконечная равнина Барабы, покрытая зеленымъ ковромъ рядомъ съ солонцами. Мы видѣли эту степь весной, свѣжіе цвѣты покрывали луга, тучныя травы были въ ростъ человѣка. Богатая растительность этихъ степей описана академикомъ Миддендорфомъ въ его очеркахъ Барабы, причѣмъ онъ представляетъ такую картину этого моря травъ, которая въ устахъ болѣе скромнаго изслѣдователя могла бы показаться преувеличеніемъ; поэтому мы приводимъ ее словами ученаго. «При началѣ Барабы, берега Оми на $\frac{1}{3}$ — $\frac{2}{3}$ саж. ширины окаймлены грязновато-темною зеленою осокою, достигающею 3-хъ фут. вышины. За нею, вверхъ по крутому береговому скату, слѣдуетъ густая и почти ни съ чѣмъ несмѣшанная полоса камышеобразнаго фестука (называемаго цырѣмъ), который

путнику хватаетъ до подбородка, такъ что колосья сѣмено-носныхъ побѣговъ едва можно захватить далеко распростертою вверхъ рукою. Посреди этихъ сочныхъ полей фестука стоятъ кое-гдѣ ивовые кустарники, съ остроконечными листьями. Они достигаютъ отъ 3-хъ до 4-хъ саж. вышины и повсюду носятъ на себѣ слѣды бывшихъ паловъ».

«По верхнему краю берегового ската къ фестукѣ присоединяются другія исполинскія прѣсныя травы, *Lolium*, *Bromus* и разные виды *Avena*; мѣстами проглядываетъ и дикая роза, съ своими красивыми листочками. Но забравшись уже въ самую степь, вы утопаете въ травяномъ морѣ, которое едвали на $\frac{1}{3}$ состоитъ изъ дѣйствительныхъ злаковъ, потому что здѣсь растутъ всевозможныя растенія исполинскихъ размѣровъ. Тавалга *Sedum*, похожее на нашъ *Telephium*, но въ $2\frac{1}{2}$ фута вышины; иванъ-да-марья, розовый тысячелистникъ, золотушникъ, весьма часто встрѣчающаяся роза въ $3\frac{1}{2}$ фута вышины и множество, другихъ растений, которыя мѣстами, вслѣдствіе *Lathyrus*, преимущественно же отъ особаго вида журавлинаго гороха, до такой степени переплетаются между собою, что, пройдя съ трудомъ шаговъ сто, вы должны отказаться отъ продолженія дальнѣйшаго пути чрезъ опутывающую васъ зелень. Поверхъ этого травяного войлока торчатъ еще красныя головки равномѣрно разсыпанный *Sanguisera*, красныя и желтыя головы множество разныхъ высокихъ *Syngenesistae*, крапива, верхушки которой выше поднятыхъ вверхъ рукъ рослаго человѣка. *Herculeum* въ $8\frac{1}{2}$ фут. вышины и т. д. Тамъ, гдѣ вамъ представляется возможность нѣсколько выглянуть изъ-за волнъ этого значнаго моря, вы увидите или безграничный горизонтъ или кое-гдѣ вдали лѣсные острова. Не находя возможности проложить себѣ новый путь чрезъ безчисленные силки, опутывающіе ваши ноги, вы скорѣе возвращаетесь тою же бороздкой, которую вы первоначально провели по этому травяному войлоку». Миддендорфъ сознается, что при видѣ такой исполинской творческой силы онъ совершенно растерялся—онъ, натуралистъ, человѣкъ, знающій силу тропической природы и знакомый съ дѣвственной растительностью американскихъ пустынь.

Кто бы могъ подумать въ заключеніе, что это отечество сибирской язвы! ¹

Такова эта Бараба, привольная степь Сибирская. Глядя на ея

¹ Нѣтъ никакого сомнѣнія, что изобилующія органическими веществами низменности, вслѣдствіе стоячей на нихъ воды, превращаются въ болота, служатъ главнымъ мѣстомъ зарожденія сибирской язвы и при томъ подъ вліяніемъ чрезмѣрнаго лѣтняго зноя. Миддендорфъ. Бараба, стр. 44.

просторъ, думается невольно, сколько бы людей могло здѣсь найти обезпеченіе среди еще незанятаго пространства, сколько земледѣльцевъ могло снять здѣсь богатую жатву на поляхъ, гдѣ сѣютъ по 30 лѣтъ на неудобренной почвѣ, сколько бѣдняковъ могло пріютиться, которые страдаютъ въ густонаселенныхъ мѣстахъ Россіи отъ малоземелья и усиливаются съ каждой пяди истощенной земли извлечь скудную лепту сѣятеля!

Вся степь эта, между тѣмъ, остается едва заселенною. Въ Юдинской волости, Тюкалинскаго округа, населенной едва 14,000 душами обоего пола и 7.380 мужескаго, приходится по 104 десятины на душу однихъ удобныхъ земель. Въ Каинскомъ округѣ по волостямъ отъ 30 до 40 десятинъ на душу, но при всемъ томъ сибиряки считаютъ, что нынѣ становится уже тѣсно; было время, когда Бараба представляла полную привольную пустыню.

— Мѣста здѣсь были вольныя, просторныя, говорить старожилъ со вздохомъ.

Прежде чѣмъ началось казенное заселеніе по трактамъ, въ половинѣ прошлаго столѣтія, по Барабѣ ютилось не мало промышленнаго и бѣглаго народа, особенно на островахъ обширныхъ озеръ. Еще въ началѣ нынѣшняго столѣтія заимки и избушки усѣвали чанскіе острова (множество означеній этихъ заимокъ встрѣчается на старыхъ картахъ).

Преданіе старожилонъ говоритъ, что на привольныхъ островахъ были тайныя деревеньки, избушки, скиты и заимки; пряталось здѣсь не мало народу, никто къ нимъ не проникалъ, да и проникнуть было трудно, кто ѣдетъ съ берега на островъ прежде знали. Бывали случаи, что земскаго чиновника повезутъ, да и спустятъ въ воду. Лѣтъ сорокъ назадъ тому, еще по раздолью Чановъ плавалъ удалецъ Алексѣй Морошкинъ съ семью человѣками разбойниковъ; они прятались въ камышахъ, брали дань съ деревень; такъ они разорили деревню Канавы; разбойниковъ поймали только съ командою. Но это время давно прошло, тайныя избушки, скиты накрыли и разорили. Теперь на Чанскихъ островахъ можетъ совершенно безопасно любоваться природой мѣстный засѣдатель.

Казенное заселеніе началось съ Чаускаго тракта, въ 1761 г., отъ Чауска (Колывани) до Томска. Кабинетъ, управлявшій колыванскими заводами, призналъ за нужное поселить здѣсь ямщиковъ Демьяновскаго и Самарскаго яма, гдѣ было ихъ около 2,000 душъ. Но поселеніе это, какъ говорятъ, губернаторомъ Соймоновымъ было выполнено только отчасти. Положеніе этихъ казенныхъ ямщиковъ, находившихся въ числѣ 9,000 человѣкъ, отъ Верхотурья до Тары, въ XVII и XVIII в., было весьма не-

завидно; они исполняли всю почтовую и перевозочную повинность за всѣхъ обывателей Сибири; ихъ садили на опредѣленные мѣста, только бы провѣсти сообщеніе. Чѣмъ положеніе ихъ было часто невыносимо, свидѣтельствомъ служить то, что для избѣжанія этой повинности, какъ гласятъ акты прошлаго столѣтія, множество ямщиковъ разбѣгалось.

Настоящее заселеніе деревнями Барабы, отъ Тары къ Каинску, началось со времени губернатора Чичерина. Въ теченіи восемнадцати-лѣтняго управленія имъ Сибирью, съ 1762 по 1786 г., имъ основано было множество селеній и водворено до 2,000 душъ. Объ этомъ заселеніи извѣстно слѣдующее.

Новыя селенія наполнялись ссылаемыми въ Сибирь на поселеніе преступниками. Но какъ этихъ людей было мало и притомъ они были опасны, то Чичеринъ испросилъ высочайшее разрѣшеніе набрать для этого людей годныхъ, съ семействами, въ зачетъ рекрутъ. «Здѣшніе колонисты», говоритъ Фалькъ: — состоятъ изъ негодныхъ рекрутъ или убѣжавшихъ изъ Россіи крестьянъ, плутовъ, воровъ и другихъ преступниковъ, кромѣ смертоубійцъ. Въ одной деревнѣ всѣ жители прежде всего заключены были въ Балтійскомъ портѣ, и при ономъ производили работы въ гавани. Женщины суть также частію ссылочныя изъ Россіи, частію же добровольно поселившіяся здѣсь съ преступными ихъ мужьями».

Колонистамъ предоставлялось получать изъ казенныхъ дачъ лѣсъ, изъ котораго они должны были производить строенія для себя и другихъ партій колонистовъ, пахатная земля, луга и дрова. Каждому изъ нихъ давалась лошадь, корова, двѣ овцы, плугъ, топоръ, для посѣва 9 пудовъ ржи, 4 пуда ячменя, столько же овса, 1 пудъ коноплянаго сѣмени, на 3 года солдатскій провіантъ и 1 копейка для поселенца и по $\frac{1}{2}$ коп. женѣ и дѣтямъ въ день. На четвертый годъ они должны были платить подати. Деревни строились правильно, дома одной мѣры. Многія деревни состояли подъ надзоромъ старостъ изъ солдатъ, безъ позволенія которыхъ никто не смѣлъ отлучаться на ночь, и которымъ предоставлено было разбирательство маловажныхъ дѣлъ и употребленіе тѣлеснаго наказанія. О болѣе важныхъ проступкахъ и преступленіяхъ колонистовъ старосты обязаны были доносить по начальству, и тогда виновный наказывался строго, по особому распоряженію административной власти или по приговору суда. Всякая деревня избирала себѣ старосту и управляла по уставу старыхъ деревень.

Кромѣ устройства селеній, колонисты должны были еще устраивать дорогу. Среди болотъ, на сотни верстъ, нужно было дѣлать

искусственные насыпи и гатить ихъ лѣсомъ и хворостомъ. Работы было много и она была чрезмѣрно тяжела; притомъ же эта работа производилась при самой строгой дисциплинѣ и жестокими наказаніями. «Чичеринъ до сихъ поръ живетъ въ памяти народной. Сохранилось преданіе, что онъ принялъ на себя обязанность Тобольскаго полицеймейстера, устроилъ гусарскую команду, разъѣзжалъ съ нею по ночамъ по городу и чинилъ наказанія. Въ лѣтнее время, въ рабочіе дни, онъ выѣзжалъ въ деревни за крестьянскими работами, придирался къ каждой мелочи и дралъ нещадно мужиковъ. Эту палочную систему Чичеринъ приложилъ съ особенною ревностью къ тѣмъ колонистамъ, которыми онъ населилъ Барабинскую степь. Тысячи поселенцевъ легли здѣсь костями подъ изнурительными работами, подъ жестокими наказаніями, въ лихорадкахъ, тифѣ, цингѣ и подъ пятномъ сибирской язвы; но новыя толпы, осужденныя на смертность, замѣняли ихъ. Мрачныя преданія остались между старожилами Западной Сибири объ этомъ пресловутомъ заселеніи, и только пожаръ Тобольскаго архива стеръ изъ документовъ всѣ подробности этихъ страшныхъ жертвовацій». Вообще, въ первые годы заселенія, лѣтняя жизнь колонистовъ была самая мучительная. Не говоря уже о тяжелыхъ работахъ и строгомъ надзорѣ, воздухъ, сгущенный болотистыми испареніями, былъ тяжелъ и для людей, и для скота. Въ жары сибирская язва способствовала на полномъ просторѣ. Кромѣ того, и человѣкъ, и скотъ невыносимо страдали отъ овода, который неусыпно и безпощадно терзалъ ихъ днемъ и ночью. Сѣтка и дымокуръ были довольно слабою защитой противъ жестокаго и безчисленнаго непріятеля. Зима, какъ благодѣтельница, приходила облегчить страданія колонистовъ.

Таково было казенное заселеніе Барабинскаго тракта. Несмотря на то, имя Бориса Ивановича Чичерина, съ прибавленіемъ «батюшка Борисъ Ивановичъ» звучало долго подобострастно и почитительно у потомковъ барабинскихъ жителей. Можетъ быть побужденіемъ къ тому было отечески патріархальное отношеніе «батюшки Бориса Ивановича къ опекаемымъ дѣтямъ. По крайней мѣрѣ, въ документахъ того времени мы встрѣчаемъ слѣдующіе слѣды этого.

До чего доходили иногда экономическія увлеченія Чичерина и какія имѣли послѣдствія, видно, между прочимъ, изъ указа енисейской провинціальной канцеляріи, отъ 29-го сентября 1769 года. Въ этомъ указѣ канцелярія извѣщаетъ жителей, что въ началѣ сентября мѣсяца отъ генераль-губернатора будутъ посланы нарочные для освидѣтельствованія, не будетъ ли гдѣ, по

лѣности крестьянъ, не убрано съ поля хлѣбовъ, а потому она «наикрѣпчайше подтверждаетъ» кто на поляхъ застанъ будетъ въ половинѣ сентября и только еще при жатвѣ, то оны наказаны будутъ кнутомъ.

Кромѣ земледѣлія, въ періодъ этой регламентаціи генераль-губернаторовъ Чичерина и Кашкина обращено было надлежащее вниманіе и на скотоводство. Причемъ издавались строжайшіе указы, чтобы крестьяне строили теплые хлѣва и содержали ихъ въ должной чистотѣ и опрятности, вычищая каждодневно грязь и навозъ и устилая полъ сухою соломой или сѣномъ. Впрочемъ, эти указы, какъ видно, не имѣли особеннаго успѣха, «колько по совершенному невѣжеству и нерадѣнію крестьянъ о сохраненіи своей собственности (такъ сказано въ циркулярномъ указѣ нижнимъ земскимъ судамъ генераль-поручика Кашкина, отъ 11 марта 1786 года), толико и ненаблюденію нижнихъ земскихъ судовъ за истребленіемъ заматарѣвшихъ обычаевъ или, лучше сказать, вкоренившихся издавна въ народѣ предубѣжденій и злоупотребленій, относя всѣ сіи несчастные случаи (падежи скота) на власть Божию и отговариваясь во всѣхъ дѣлахъ упустительнаго своего небреженія, якобы на то была неминуемая воля Божія; напротивъ чего, нижнимъ земскимъ судамъ, яко поставленнымъ для благоустройства жителей и для попеченія о ихъ благосостояніи, предстоитъ долгъ изъяснить, что хотя власть Божія есть и будетъ надъ всѣмъ, что ни есть на свѣтѣ, но человекъ одаренъ отъ Бога понятіемъ и разумѣніемъ къ отличенію, что ему вредно, и что ему полезно, и свободенъ предпринимать то или другое; слѣдовательно, каждый разумѣвающий, что наилучшее и то неисполняющій, творить грѣхъ предъ Богомъ, не употребляя полученныхъ дарованія ни себѣ, ни другому на пользу, въ чемъ состоитъ первѣйшій и главнѣйшій долгъ истиннаго христіанина».

Кромѣ этихъ внушеній, при посредствѣ нижнихъ земскихъ судовъ и солдатскихъ старостъ въ селеніяхъ, въ распоряженіи Б. И. Чичерина, какъ видно, были другія средства для удержанія поселенцевъ. Довольно характеристическій отзывъ даетъ о Чичеринскомъ заселеніи Барабы томскій губернаторъ Хвостовъ. «Къ сему-жъ нужно знать, говоритъ онъ:—что сей съ полною довѣренностію отъ верховнаго правительства начальникъ имѣлъ ту предосторожность, что кочующимъ татарамъ по Барабинской степи не ставилъ въ преступленіе, ежели вора или бѣглеца изъ поселщиковъ кто подстрѣлитъ или совѣмъ застрѣлитъ при поимкѣ. Мѣра, тогдашнимъ обстоятельствамъ приличная и крайнимъ обузданіемъ для развратныхъ изъ поселщиковъ послужившая». Несмотря на все это, хотя и при громадныхъ жертвахъ, можетъ

быть, при вымираніи нѣсколькихъ поколѣній, но населеніе привилось и начало плодиться. Путешественникъ Фалькъ, проѣзжавшій Барабу въ 1772 году, въ самый разгаръ заселенія, писалъ, что колонисты сильно размножаются и во второмъ колѣнѣ еще болѣе общаются пользы. Еслибы можно было доставить имъ болѣе женскаго пола, то хозяйство бы процвѣтало. Они трудолюбивы, хорошіе земледѣльцы, но нѣкоторые ссыльные преданы законсѣлымъ ихъ страстямъ; такъ, напримѣръ, два года назадъ (въ 1770 году), убили они проѣзжаго за нѣсколько копеекъ; въ Убинской дѣлали они оловянные рубли и проч. Конечно, дѣланіе оловянныхъ рублей не заслуживало похвалы. Но 1810 по 1827 годъ извѣстный историкъ Словцовъ писалъ уже объ этихъ жителяхъ. «Мнѣ случилось проѣзжать Барабу раза три въ іюнѣ и іюлѣ. Въ каждой деревнѣ, въ воскресные дни, дѣвицы, молодичи и молодцы, хорошо одѣтые, пѣли и плясали въ хороводахъ по улицамъ, съ веселою безпечною, до полночи ¹».

Можетъ быть, сіи жители водили бы хороводы «съ веселою безпечною» и до сего времени, скажемъ мы, еслибы не начали изподтишка раздаваться разные вздохи.

На эти-то вздохи и жалобы нынѣшнихъ барабинцевъ мы и постарались обратить вниманіе.—«Мѣста оскудѣли, лѣсу нѣтъ, воды нѣтъ», говорятъ тамъ и здѣсь барабинцы и собираются выселяться. Нерѣдко такъ же приходится встрѣчать и развалившіяся покинутыя деревни на берегахъ иссохшихъ озеръ и руслъ притоковъ, какъ Трех-озерная, Кочегарова и т. п. Подобныя измѣненія произошли на памяти жителей. Сначала Бараба представляла дѣвственную пустыню, гривы и острова которой были покрыты когда-то густымъ лѣсомъ. Не даромъ до сихъ поръ остались названія *Темная Грива*, *Темные острова*; на постройкахъ мы видѣли остатки весьма солиднаго лѣса, когда-то произраставшаго вблизи; теперь этотъ лѣсъ возится изъ Каинскихъ урмановъ и изъ Барнаульскаго округа. Слабыя березовыя рошцы начинаютъ цѣпиться и охраняться жителями. Дѣло было просто. Русскій крестьянинъ, поставленный среди дикой и могучей природы, посреди болотистыхъ пустынь и страшныхъ лѣсовъ, среди миллионовъ москитовъ подъ заразительными лихорадками, среди сибирской язвы, при своихъ слабыхъ культурныхъ средствахъ, долженъ былъ всѣми средствами бороться съ природой, чтобы не погибнуть. И онъ употребилъ могучее и суровое орудіе, чтобы отвоевать и расчистить себѣ почву—это былъ огонь. Эту страшную борьбу крестьянина съ сибирскими пустынями и урманами

¹ «Истор. Обзор.» Словцова, ч. II, стр. 280—281.

рисуетъ намъ одинъ изъ свидѣтелей и знатоковъ сибирской культуры еще въ началѣ нынѣшняго вѣка. «Еслибы пашни и покосы въ лѣсистыхъ округахъ Сибири оставить хотя на десятокъ лѣтъ нетронутыми, то на нихъ выросло бы новое поколѣніе лѣсовъ, говоритъ этотъ изслѣдователь.—Я видѣлъ сотни примѣровъ, что пашни и покосы, оставленные впустѣ (выпаханные) и непаленные по небрежности, весною на третій годъ покрывались, не только густѣйшею травяною всѣхъ родовъ растительностью, невозможною для косы, но и молодымъ, почти сплошнымъ поколѣніемъ лѣсовъ. Изъ этого вытекаетъ непередосудительный въ Сибири обычай палить, пускать палъ на пашняхъ и покосахъ каждую весну, то есть зажигать оставшуюся прошлогоднюю сухую траву. Безъ этихъ паловъ покосы и пашни были бы невозможны отъ дикихъ сорныхъ и толстоствольныхъ травъ. Въ Сибири всѣ убѣждены, что надобно истреблять лѣса, на что и употребляются значительныя усилія, хотя съ малыми успѣхами. При этомъ, хотя крестьяне ясно видятъ, что съ потребленіемъ лѣсовъ истребляются и звѣри, основаніе ихъ благосостоянія, но они предпочитаютъ лишиться звѣрей, чтобы только приобрести болѣе открытыхъ полей не для пашень и покосовъ, которыхъ у нихъ и теперь достаточно для населенія, по крайней мѣрѣ, въ 100 кратъ большаго, а для лѣтнихъ скотскихъ пастбищъ. Дѣло заключается въ томъ, что въ лѣтнія жары, въ іюнѣ или іюлѣ, въ лѣсистыхъ и сырыхъ округахъ появляются міриады крылатыхъ насѣкомыхъ и въ такомъ значительномъ количествѣ, что они, носясь между лѣсовъ тучами, часто затемняютъ воздухъ. Изъ этой многочисленной крылатой семьи мухъ, бабочекъ и другихъ, мошки, комары, пауты и строки безжалостны къ человѣку и скоту, и нѣтъ никакихъ средствъ спастись отъ нихъ; даже курева (кучи зажженного гнилого лѣсу и навозу) въ домахъ, во дворахъ и на пастбищахъ не дѣйствительны. Люди въ это время спятъ обыкновенно подъ пологами, ходятъ и работаютъ въ волосяныхъ сѣткахъ, закрывающихъ лицо, и конечно, мѣшающихъ имъ въ полевыхъ и другихъ работахъ. Скотъ, въ особенности лошади, составляющія, такъ сказать, главную силу крестьянъ, въ это время худѣютъ, подвергаются многимъ болѣзнямъ и часто падаютъ! Появленію и распространенію сибирской язвы, по общему мнѣнію жителей Сибири, способствуютъ гнилыя болота, малыя озера и лужи, составленныя изъ безчисленныхъ труповъ органическихъ тварей, съ живущими въ нихъ и на нихъ міриадами насѣкомыхъ. Испаренія отъ этихъ гнилыхъ водъ, распространяясь въ воздухъ, садятся на травы и воду, употребляемую людьми и животными въ лѣтнія жары жадно и въ большомъ

количествѣ; животныя вообще безъ разбору пьютъ воду и въ самыхъ гнилыхъ болотахъ и озерахъ, и купаются въ нихъ, спасаясь отъ тучъ крылатыхъ вампировъ. Какая же, послѣ этого, ловля звѣрей, еслибы она и была ежегодно обильна, въ состояніи вознаградить такія страшныя утраты въ скотѣ отъ оводу и язвы, истекающихъ отъ обилія лѣсовъ? Отвѣчаю—никакая, потому что русскій крестьянинъ-земледѣлецъ безъ скота почти остается буквально безъ рукъ, безъ ногъ и безъ жизни. Жители лѣсистыхъ частей Сибири убѣждены, что пока они не истребятъ достаточно лѣсовъ для свободнаго движенія между ними вѣтровъ, разгоняющихъ оводовъ и для осушенія гнилыхъ болотъ, порождающихъ язву, имъ не развести обширнаго скотоводства, источника ихъ богатства. Впрочемъ, русскіе крестьяне и инородцы, хорошо понимая важность и необходимость для нихъ лѣсовъ, истребляютъ ихъ въ настоящія времена не безразсудно, а, по особенной сметливости русскаго человѣка, благоразумно, почти систематически. Это дѣлается такимъ образомъ: всякая волость, всякая деревня, оставивъ на сколь можно близкое отъ себя разстояніе огромныя пространства строевыхъ и дровяныхъ лѣсовъ, простирающихся часто на нѣсколько десятковъ квадратныхъ верстъ, и не въ однихъ, а въ разныхъ мѣстахъ, пространства, достаточныя для удовлетворенія потребности многихъ поколѣній и населенія въ 100 разъ бѣльшаго, всѣ остальные лѣса обрекаютъ на истребленіе. Уничтоженіе лѣсовъ обыкновенно дѣлается сначала по берегамъ рѣкъ, озеръ и болотъ, продолжается, сколько станетъ силъ, до возвышенныхъ мѣстъ, на которыхъ дуетъ постоянно болѣе вѣтровъ, и отсюда уже истребленіе происходитъ во всевозможныхъ направленіяхъ. Приэтомъ такъ же имѣется въ виду, чтобы на обнаженныхъ пространствахъ были пашни и сѣнокосные луга и пастбища; а чтобы удержать на нихъ сырость и тѣнь, на случай засухъ, оставляется мѣстами отдѣльно нѣсколько клумбъ деревъ или рощъ разныхъ неправильныхъ фигуръ. Такимъ образомъ, берега рѣкъ, озеръ и болотъ, которые часто понимаются разливами, черезъ годъ, черезъ два становятся уже годными для покосовъ, а возвышенныя мѣста для пашень и пастбищъ, имѣя притомъ свободное движеніе вѣтровъ. Вообще крестьянскія угодья въ лѣсистыхъ мѣстахъ, еслибы снять ихъ на планъ, представили бы виды необозримыхъ разрушенныхъ городовъ, съ безконечными и возможно широкими улицами во всевозможныхъ направленіяхъ, съ огромными площадями, съ набережными и т. п.; лѣсъ бы замѣнили здѣсь кварталы, памятники и фонтанныя постройки на площадяхъ и другія сооруженія. А чтобы расширить и увеличить, такъ сказать, эти и

безъ того уже гигантскія улицы и площади, крестьяне каждой деревни, во всякое свободное время (болѣе осенью и весною) отправляются на истребленіе лѣсовъ, всякій ближе къ своимъ пашнямъ и покосамъ и къ общимъ пастбищамъ цѣлой деревни. Покося и пашни, очищенные отъ лѣсовъ какимъ-либо семействомъ, поступаютъ въ его пользованіе и переходятъ изъ рода въ родъ; случается, что эти очищенные клочки земли продаются сосѣдямъ.

Послѣ всего выше сказаннаго можно ли обвинять сибиряковъ въ невѣжествѣ, говоритъ авторъ приводимаго описанія, въ пренебреженіи, въ неразсчетливости при истребленіи лѣсовъ, какъ обыкновенно отмѣчаютъ ихъ такими фразами почти всѣ писатели; между тѣмъ ни одинъ изъ нихъ не сказалъ, какихъ немовѣрныхъ усилий стоитъ крестьянамъ, въ лѣсистыхъ округахъ, разчищать и содержать пашни и покосы, и борясь съ оводомъ, размножать скотъ¹.

До сихъ поръ по Барабѣ ходятъ весною огромные палы для оживленія травъ. Такая система луговодства признается въ сибирскихъ степяхъ неизбѣжною и необходимою какъ хозяевами, такъ и учеными². Но борьба при такомъ орудіи должна была естественно зайти слишкомъ далеко. Мѣстность начала обсыхать, самый климатъ, по выраженію Словцова, сталъ принимать «людность»; но исчезли и лѣса, испарились болота, пропали и живительные источники, дававшіе питаніе озерамъ. Мѣстность, вмѣсто озеръ, покрылась бесплодными солонцами; вмѣсто заливовъ и протоковъ, явилась безводная степь, не стало ни воды, ни лѣса, и снова застоналъ мужикъ.

Южная часть Барабы отъ Чановъ страдаетъ даже засухами, а съ этимъ должно исчезнуть представленіе, когда-то существовавшее объ этой степи и перешедшее по традиціи въ различныя описанія, что Бараба сплошное болото и трясины.

Ученый Миддендорфъ, прочтя характеристику Барабы, съ непроходимыми топами, непритворно удивляется, что онъ встрѣтилъ противное, пройдя всю степь въ разныхъ направленіяхъ, безъ всякихъ затрудненій, въ тяжеломъ экипажѣ³. Это объясняется тѣмъ, что нынѣшняя Бараба далеко не похожа на прежнюю.

Почва Барабы славится плодородіемъ; она извѣстна была такою же при Палласъ и Фалькъ. Наносный глинистый слой, оставшійся отъ когда-то существовавшаго огромнаго бассейна воды, покрытъ тучнымъ черноземомъ, на которомъ простирается

¹ Очеркъ лѣсовъ и лѣсныхъ промысловъ Сѣверо-Западной Сибири, Колмогорова.

² Бараба. Миддендорфъ, стр. 7.

³ Бараба. Миддендорфъ, стр. 33.

богатая растительность. Черноземъ на степи бываетъ въ 2 и 3 фута, но мѣстами, крестьяне говорили, «а вонь на той гривѣ и дна ему нѣту», характеризуя этимъ мощность слоя. Почва также изобилуетъ множествомъ солей послѣ высыхания озеръ; поваренной, глауберовой и горькой соли, которыхъ на Барабѣ цѣлыя залежи¹. Черноземная почва съ глинистою подпочвою «красика» даетъ богатые урожаи. Миддендорфъ пораился ея производительностью. Онъ говоритъ, что плодородіемъ эта мѣстность обязана болѣе подпочвѣ, состоящей изъ богатой калиемъ глины, чѣмъ чернозему. «Глина эта оказывается намывной морскою почвою, содержащею много солей, и по неистощимому, естественному плодородію своему сходна съ европейскими такъ называемыми маршами». Находясь среди континента, она тѣмъ-то и производитъ на поселенца (переселенца по Сибири) такое магическое вліяніе, что не требуетъ ни малѣйшихъ трудовъ по части устройства и содержанія дорогихъ плотинъ и необходимыхъ при нихъ принадлежностей, вслѣдствіе которыхъ на угрожаемыхъ моремъ европейскихъ маршахъ цѣна земли дошла до 8 руб. за квадратную сажень. Несмотря на такую цѣну, плодородіе почвы, исторгнутой изъ власти морской, такъ велико, что на западѣ побуждаетъ людей устраивать новыя плотины все дальше и дальше. Въ Сибири эти плодородные марши на огромное пространство степенъ подготовило само отступившее море. Урожай, высчитанные путешественникомъ, представляютъ огромныя цифры въ 225 пуд. ржи и 600 пуд. овса съ десятины. Особенно удивили ученаго сибирскія поля «паданика», то есть всходы прошлогодняго опавшаго зерна съ колосевъ. Принимая во вниманіе паданигъ, въ Сибири снимаютъ жатву съ двухъ полей (Миддендорфъ. Бараба, стр. 27, 21, 22).

Мы наблюдали Барабу сначала западную и около озеръ Чановъ, гдѣ урожаи менѣе, но тѣмъ не менѣе въ хорошія года значительны. Изъ распросовъ о земледѣліи мы сами убѣдились, что урожаи бываютъ при посѣвѣ 9 пудовъ пшеницы въ 135 и 150 пудовъ, овса при 9-ти пудовомъ посѣвѣ снимаютъ до 170 пудовъ (а Миддендорфъ говоритъ и до 600 пудовъ), ярицы при посѣвѣ до 7 пудовъ снимается 130 пудовъ. Прежде урожаи были, говорятъ, болѣе, снимали по 5 и 6 овиновъ, т. е. до 250 пудовъ. Цѣны на хлѣбъ обыкновенно низки. Пшеница въ зернѣ въ Юдиной въ 1878 году стоила 17 коп. за пудовку (1 пуд. 15 фун.), ярица—10—12 коп., овесъ—7 и 10 коп. При провозѣ на казачью линію цѣна пшеницы бываетъ 25 и 30 коп. пудъ,

¹ Глауберова соль добывается нынѣ на содовый Барнаульскій заводъ Пранга, гдѣ выдѣлывается до 30,000 пуд. соды.

но бываютъ года, когда цѣна пшеницы доходитъ до 70 р. и 1 рубль пудъ. Это дало поводъ выводить нѣкоторымъ, что доходъ отъ земледѣлія въ сибирскихъ степяхъ при обилии урожаевъ и поднимающейся цѣнѣ на хлѣбъ весьма значителенъ. Въ самомъ дѣлѣ, снимая 135 пудовъ съ одной десятины, можно имѣть 135 рублей; но мужикъ не одну десятину запахиваетъ, выходитъ у него денегъ бурунъ! Но вотъ что оказалось при нашихъ распросахъ. Перелагая крестьянскій трудъ на наемныя цѣны, обработка десятины обходится на Барабѣ, по крайней мѣрѣ, въ центрѣ ея, около Чановъ 10 руб. 50 коп.¹ При продажѣ на мѣстѣ пшеницы 100 пудовокъ дадутъ, по 17 коп., 17 рублей. Чистый дивидендъ будетъ со 135 пудовъ *шесть* рублей *пятьдесятъ* копеекъ! Для провоза на рынки надо прибавить 4 рубля, за помолъ 14 коп. съ пуда и провозъ до линіи 12 руб., итого 26 рублей; дивидендъ окажется даже въ томъ случаѣ, если крестьянинъ свозитъ муку за 300 верстъ и продастъ по 25 коп., 7 руб. 50 коп., мы видимъ, не Богъ знаетъ что! При высшей цѣнѣ въ 30 коп. пудъ земледѣлецъ выручитъ 14 руб. барыша со 100 пудовъ. Но какъ мы ни считали, больше не выходитъ. Но вѣдь принимаемый урожай 135 пудовъ высшій. Трудъ земледѣльца окруженъ случайностями, бываютъ неурожаи, засухи, холода. Полученіе же 6-ти рублевого дивиденда съ десятины въ лучший годъ можетъ понизиться до нуля въ худшій. «У насъ хлѣбъ на небѣ зрѣетъ», говорятъ умудренные опытомъ крестьяне. Можно подумать, что при обилии земель засѣвается каждымъ значительное количество полей, но и это не подтвердилось. Засѣвается, глядя по рабочимъ силамъ каждаго хозяина. Мы собрали свѣдѣнія въ волости о

¹ Стоимость обработки одной десятины при наемномъ трудѣ:

Вспахать и взборонить . . .	3 руб.
Собрать	3 руб. 50 коп.
Сѣмена	2 руб.
Вывозка и молотѣба . . .	2 руб.

Итого. 10 руб. 50 коп.

При продажѣ на мѣстѣ сборъ съ десятины пшеницы, по 17 коп. пудовка въ зернѣ, 100 пудовокъ дастъ 17 рублей — барышъ 6 руб. 50 коп. Условія труда: вспахать и взборонить можетъ одинъ рабочій на 5 лошадяхъ въ день десятину. Жнецовъ для сбора хлѣба съ десятины въ хорошій урожай 10 чело-вѣкъ. Поденная плата.

Хорошій урожай: мужчинъ . .	1 руб.
женщинъ	50 коп.
Средній урожай: мужчинъ . .	50 коп.
женщинъ	30 коп.
Плохой урожай: мужчинъ . .	20—30 коп.
женщинъ	11 коп.

2,216-ти хозяйствъ. Причемъ оказалось хозяйствъ, обрабатывающихъ болѣе 25 десятинъ, всего 70, отъ 15 до 25 десятинъ — 257, отъ 10 до 15 — 411, отъ 5 до 10 десятинъ — 605 и отъ 1 до 5—816 хозяйствъ. Въ первомъ случаѣ весь доходъ съ 25 десятинъ будетъ равняться 162 руб. 50 коп., а въ большинствѣ же случаевъ, при благопріятныхъ обстоятельствахъ, отъ 32 до 65 р. Принимая во вниманіе содержаніе семьи и уплату податей, это будетъ крайне немного.

Намъ оставалось разузнать, какъ обогащается земледѣлецъ, когда цѣна хлѣба поднимается до 70 коп. и до 1 рубля. И по этому поводу получили слѣдующія разьясненія. Хлѣбъ поднимается до этой цѣны во время неурожаевъ, когда скупленъ за-благовременно скупщиками и богачами. Хлѣбъ скупается у большинства земледѣльцевъ въ лучшую пору по низшей цѣнѣ 15—17 коп. пудовка (1 пудъ 15 фун), а чаще получается въ числѣ долга за сдѣланную ранѣе ссуду. Мы видѣли такіе запасы въ деревнѣ Костылевой. Семья зажиточныхъ крестьянъ Красноусовыхъ, занимающихся во-время скупомъ хлѣба, имѣла 5 сараевъ, нагруженныхъ 17,000 пудовъ хлѣба. Эти хозяева имѣли 2 мельницы, до 300 штукъ рогатаго скота, обрабатывали 100 десятинъ земли, имѣя въ страду до 40 работниковъ, большею частію должниковъ, отработывавшихъ долги. Подобные скупщики и въ обыкновенное время скупаютъ хлѣбъ по 17 и 20 коп., ссужая бѣдныхъ крестьянъ земледѣльцевъ по 50 коп. пудовку. Эти лица дѣйствительно пользовались значительнымъ достаткомъ, домъ ихъ былъ окруженъ обширными складами; главное жилое помѣщеніе состояло изъ нѣсколькихъ чистыхъ комнатъ, гостиная меблирована рѣзной мебелью; картины, зеркала, скатерти напоминали богатый купеческій домъ. Эти люди пользовались всѣми выгодами отъ высокихъ цѣнъ. Они же давали въ долгъ крестьянамъ разный товаръ или деньги подъ продукты крестьянскаго хозяйства, какъ напримѣръ: кожи, масло. Условія полагались такого рода: напримѣръ, Ивану Спиридонову выдается товаромъ или деньгами 3 рубля въ маѣ, за которые онъ обязанъ доставить въ ноябрѣ пудъ скоромнаго масла, въ случаѣ же неисправности взыскивается 6 рублей, на которыя при первой выдачѣ берется росписка. Если же денегъ у должника нѣтъ, то расчетъ переводится на хлѣбъ, скотъ, иногда и дома. Крестьяне К. такимъ способомъ благопріобрѣли въ сосѣднихъ деревняхъ не мало домиковъ. Отъ поднимающихся цѣнъ въ неурожай получаютъ такимъ образомъ выгоду преимущественно эти пауки окружнаго населенія, кулаки и міроѣды. Остальные же нуждающіеся должны скупать хлѣбъ по рублю у запаснаго кулака. Ясно, что при вы-

сокихъ цѣнахъ настоящій земледѣлецъ не столько выигрываетъ, сколько проигрываетъ. Подобный же крестьянинъ-скупщикъ живетъ на Карасукѣ,¹ покупаетъ и имѣетъ запасовъ 100,000 пудовъ.

Сколько мы имѣли случаевъ убѣдиться, сибирское земледѣльческое хозяйство, несмотря на плодородіе и богатство почвы, терпитъ много случайностей отъ засухъ, кобылки, холодовъ. Это результатъ суровой природы дѣвственной страны и слабыхъ силъ первобытнаго хозяйства. Поэтому огромные урожаи нельзя здѣсь считать за норму; съ другой стороны, сибирскій земледѣлецъ вѣчно борется между двумя невзгодами, *дешевизной хлѣба* при отсутствіи запроса въ урожаи и недостаткомъ хлѣба въ неурожай, при чемъ огромныя цѣны на хлѣбъ не составляютъ его барышъ, но дефицитъ при приобрѣтеніи на посѣвъ и продовольствіе.

Въ обыкновенное время доходъ отъ земледѣлія такъ невеликъ при низкихъ цѣнахъ хлѣба 15 и 17 копеекъ за пудовку, что заниматься имъ, на примѣръ, частному человѣку наймомъ нѣтъ никакого расчета¹. Мы убѣдились изъ разспросовъ, что отъ продажи другихъ продуктовъ крестьянинъ также не въ барышахъ. Торговля щиплетъ крестьянина. Скупщики принаровились ссужать крестьянъ въ долгъ, чтобы запутать ихъ расчетами и получить въ трое и четверо болѣе. Образцомъ этой торговли можетъ служить слѣдующая операція. Одинъ крестьянинъ, бывшій волостной голова, рассказывалъ намъ такой случай изъ его служебной практики. Мужикъ купилъ у торговца въ октябрѣ шапку за 3 рубля съ тѣмъ, чтобы деньги уплатить на масляницѣ. Въ срокъ денегъ не оказалось. Тогда должника обязалъ торговецъ сдать осенью пудъ скромнаго масла (въ продажѣ 6 рублей). Но крестьянинъ и это не могъ выполнить. Перевели долгъ на хлѣбъ и взято было обязательство поставить 50 пудовъ пшеницы по 15 коп. слѣдующій годъ оказался неурожайнымъ, цѣна пшеницы поднялась до 50 коп. Такимъ образомъ крестьянинъ торговцу въ два года съ трехъ рублей оказался должнымъ 25 рублей, а уплатить было нечѣмъ. Росписка на него была предъявлена и деньги взысканы со всею строгостью.

При такихъ цѣнахъ на хлѣбъ и условіяхъ кредита крестьянину трудно сладить съ своимъ бюджетомъ. Къ этому надо прибавить обязанность исправнаго платежа податей. По получен-

¹ Не даромъ пожалованныя чиновникамъ въ Юдинской волости земли не получали никакой цѣны и земледѣльческое хозяйство не привилось; точно также не утвердилось и частное земледѣльческое хозяйство въ Западной Сибири, несмотря на распродажу земель въ частныя руки.

нымъ нами свѣдѣніямъ податей и губернскихъ повинностей съ Барабинскаго крестьянина оффиціально и гласно въ Юдинской волости взывается въ годъ 10 руб. 72 коп. съ каждой души. Обыкновенно по внутренней раскладкѣ взывалось за полугодіе съ *большой* (тяглой) души отъ 4 руб. 97¹/₄ коп. до 5 руб. 18 коп. (за 2-е полугодіе); съ *малой* престарѣлой души 3 руб. 70 коп. и 3 руб. 85 коп. За умершихъ, за которыхъ платятъ семьи 2 руб. Кромѣ того мірскихъ сборовъ: въ добавочное жалованье писарю 10³/₄ коп., на наемъ волостныхъ писцовъ 22³/₄ коп., на содержаніе стипендіатовъ при Омской фельдшерской школѣ 6³/₄ коп., на наемъ въ селѣ земской квартиры 5 коп., на квартиру фельдшеру 1³/₄ коп., на исправленіе общественныхъ домовъ и пожарнаго инструмента 26 коп. Затѣмъ на однихъ большихъ душахъ: земско-обывательская гоньба обходится 2 руб. 25 коп. до 3 руб. 50 к., на исправленіе Иркутскаго почтоваго тракта отъ 75 коп. до 2 руб. 50 коп., за наемъ рабочихъ къ землемѣру 80 коп. до 2 руб., за отбываніе обывательской гоньбы на внутреннихъ станціяхъ отъ 2 до 3 руб., итого отъ 7 до 9 рублей ¹. Мірскіе сборы въ Сибири, неимѣющей земства и полной земскихъ злоупотребленій, превосходятъ обыкновенно подати. Примемъ во вниманіе, что эти сборы иногда ложатся весьма неравномѣрно за умершихъ и убылыхъ, и нѣкоторымъ тяглымъ работникамъ приходится нести за 2, а иногда и за 3 души. Мы видѣли на Барабѣ одного сухорукаго калѣку ямщика, жившаго въ батракахъ, и вносившаго около 25 рублей сборовъ съ повинностями. При низкомъ доходѣ отъ хозяйства, при невысокой продажѣ продукта и неравномѣрно падающемъ налогѣ, понятны затрудненія и бѣдность крестьянъ. При чемъ ни дѣйственная почва, ни пустыня и просторъ не могутъ помочь ихъ положенію. Вотъ источникъ слышащихся вздоховъ. Когда мы сосчитали бюджетъ одного хозяина съ его ничтожнымъ доходомъ и въ концѣ убѣдились въ дефицитѣ, этотъ барабинскій хозяинъ, вѣроятно большой философъ, разставивъ руки, прибавилъ къ нему слѣдующій комментарий.—«Вотъ тутъ и умудрись, братецъ, прожить, а, кажись, работаешь, какъ червя скрюченной»...

Настоящее богатство и источникъ доходовъ барабинскихъ жителей когда-то было не земледѣліе, а рыболовство. Обширные озера Барабы, какъ Чаны, Сартланъ, Убинское и другія съиздавна славились рыбою и составляли богатство жителей; значительныя

¹ Здѣсь обращаютъ вниманіе на себя платежи сибирскихъ крестьянъ на содержаніе земско-обывательской гоньбы. Цифра эта по губерніи недавно была высчитана въ 155,318 руб. 43¹/₄ коп. въ годъ (изъ сравненія за 3 года). Она составляла 70% всѣхъ мірскихъ сборовъ.

рыболовныя артели организовали здѣсь цѣлыя промыслы, вывозили тысячи пудовъ, торговцы пріѣзжали сюда изъ Перми и Екатеринбурга. Объ этомъ времени повѣствоваль намъ одинъ старикъ старожилъ, живая лѣтопись Барабы, слѣдующее.

— Рыба! ты говоришь; такая ли была здѣсь рыба? прежде у насъ была щука аршинница, язъ, карась, чебакъ фунтовой бывалъ. А слыхалъ ли ты, какіе караси бывали—до десяти фунтовъ вѣсу, на сковороду-то положишь, онъ всю сковороду займетъ. Въ прежнее время окуня не ловили, попадетъ, бывало, въ неводъ, «у ты, пропащій!» скажутъ; выколютъ глаза, да и въ воду... То была рыба!

— Ну, а теперь?

— Теперь, братъ, кромѣ чебака въ 3 вершка, да окуня самаго мелкаго, въ 2 1/2 вершка, рыбки-то поищи. Да и какіе нынѣ рыболовы!

— Ну, а прежде, дѣдушка, какъ же, артелями-то много до бывали?

— А такъ я тебѣ скажу, что въ неводъ попадало до 4,000 пудъ. Это на тысячу слишкомъ рублей, рыба по 30 и 35 коп. пудъ, выручали по 60-ти и даже по 100 рублей на ней. Артель была ровная въ складчину, не то что нынѣ, три-четыре богатѣя мужиковъ сложатся, остальные идутъ исполу. Отъ того и доходъ былъ другой отъ озеръ ¹.

— Какъ же нынѣ-то добываете рыбу?

— Нынѣ развѣ кое-кто на чебачишкахъ забавляется. Неводниками ловятъ, неводъ сажень въ 200, недавно на всю волость развѣ неводовъ 8 было, доходилка рублей 600 съ невода, рублей по 40, а то и по 25 рублей на пай придется, великъ ли доходъ, самъ подумай. Чебашнику-то цѣна 7 коп. пудъ, а бываетъ и 5 коп.

Мы вспомнили, что, по свѣдѣніямъ Палласа, было время, когда пудъ мерзлыхъ шукъ въ Каинскѣ продавался по 3 коп., въ Тарѣ 5 коп. Щучья икра продавалась въ 1822 году по 5 коп. пудъ и въ Сартланѣ добывали ея до 400 пудовъ.

— Скажи же, дѣдушка, отчего рыба, по твоему, стала исчезать?

— Какъ тебѣ сказать, Богъ ее знаетъ, вода спадать начала; такія ли тутъ озера были, къ самой линіи подходили (т. е. къ

¹ Въ 1822 году, озера Чаны, по распоряженію генераль-губернатора Западной Сибири, составляли мірскую статью временнаго дохода. При чемъ каждому хозяину для пропитанія дозволялось наловить до 100 пуд., остальная оплачивалась пошлиной. Въ два года крестьяне внесли этой пошлины, кромѣ огромнаго количества, выловленнаго даромъ, 2,648 руб. сер.

казачьей иртышской линіи). Деревни-то на островахъ, да на протокахъ стояли, кругомъ все вода была, къ озерамъ протоки шли, сюда рыба заходила и плодилась; ну, а теперь вода спала, рыбѣ не куда заходить; по берегамъ тростники были, гдѣ рыба икру метала; теперь икру-то носить по озеру, да вѣтромъ къ берегу прибываетъ. Бабы ковшами въ другорядъ черпають!

Слышанный разсказъ объ этомъ я хотѣлъ было занести сначала, какъ доказательство богатствъ природы. Шутка ли, черпай икру ковшами! Но увѣ! по разборкѣ дѣла оказалось, что икра эта негодная, а самый фактъ выбрасыванія икры на берегъ не есть доказательство обилія, а причина истощенія рыбы. Я здѣсь ошибся, какъ и свойственно преждевременно восторгающемуся путешественнику.

— Опять икру бормаши ѣдятъ, проклятушіе, даже сѣтъ изгрызають¹; иныя озера иссохли, другія солеными да горькими сдѣлались. Не стало годной воды, деревни стали сниматься да переселяться, сколько теперь однихъ деревень ушло!..

Разсказъ старожила подтвердился и паденіемъ дохода съ чанскихъ рыбалокъ. Около 1822 года было вычислено, что въ Чанахъ добывается до 200,000 пуд. рыбы. Всѣ озера предположено было сдать въ аренду за 28,500 руб. въ годъ. Деньги эти предполагались было въ фондъ на постройку высшаго учебнаго заведенія въ Сибири. Съ тѣхъ поръ Чаны, вмѣсто 14,481 руб., даютъ 700 руб., Сартланъ, дававшій 3,000 руб., недавно давалъ 752 руб., Убинское, вмѣсто 1,750 руб., даетъ дохода 425 руб., Аркуль, сдававшійся за 2,500 руб., недавно давалъ 40 руб. и, наконецъ, сданъ былъ за 13 руб., не считая тѣхъ годовъ, когда мѣстные исправники брались хозяйственнымъ способомъ извлекать доходъ, тогда доходъ падалъ, какъ въ Убинскомъ, съ 901 руб. на 69 руб. 78 коп., или 195 руб. на нуль; но это ужъ было особое свойство казеннаго исправническаго хозяйства.

Что касается до отступленія водъ, то мы обратили вниманіе на него уже потому, что нашли около Юдиной береговую мель въ 330 шаговъ отъ прежней границы, въ другомъ мѣстѣ 30 сажень. Тоже подтвердилось разсказами старожиловъ и, наконецъ, прежними картами, которыя мы постарались сосредоточить, возвратившись изъ нашихъ странствій. Исчезновеніе водъ давно обращало на себя вниманіе, но почему-то ему придавали временной характеръ, это, дескать, періодами, а потомъ опять вода появится! Однако, это едва ли такъ. Исчезновеніе и высыханіе

¹ Бормаши или горбунцы—рачекъ, употребляемый, какъ нажива, для рыбы при ловлѣ удой.

цѣлыхъ водныхъ пространствъ, начавшееся особенно съ 1827 г., и особенно усилившееся въ 1835 года, доказываетъ, что это исчезновеніе невозвратное. Въ то время, когда въ нашихъ современныхъ гидрографическихъ описаніяхъ мы встрѣчаемъ, что озеро Чаны соединяется съ другими большими озерами, величина которыхъ, какъ прѣснаго Абыскана (нынѣ горькаго), равняется 90 квадр. верстамъ, Молоки состоятъ изъ нѣсколькихъ озеръ, общая поверхность 320 кв. верстъ, Сумы 650 кв. верстъ, и все это сливается въ одну водную поверхность (см. списки населенныхъ мѣстъ Тобольской губерніи XXXVII) или по указаніямъ (въ спискахъ населенныхъ мѣстъ Томской губерніи), что «Чаны занимаютъ 2,876 кв. верстъ; берега его поросли камышемъ; во время весенняго разлива воды озеръ соединяются, озера изобильны рыбю, *особенно карасями*»; въ то время, когда на карту наносятся все еще эти озера, не странно ли видѣть, вмѣсто всего этого, пространство, обсохшее почти на 140 верстъ въ длину, гдѣ остались, вмѣсто прѣсныхъ, клочечки горько-соленыхъ озеръ! Явленіе это во всякомъ случаѣ заслуживало вниманія. Исчезновеніе этихъ водъ, какъ оказывается, связано было съ экономическою жизнью населенія, съ его судьбою, съ его передвиженіемъ и степь, на заселеніе которой употреблялись огромныя административныя усилія, принесено столько жертвъ, можетъ оказаться опять мертвымъ пространствомъ. И вотъ, по поводу-то этого явленія мы не находимъ никакихъ объясненій, да и самое явленіе еще не признаваемымъ за фактъ.

Правда, исчезновеніе водъ, напримѣръ, въ Ишимскомъ округѣ, гдѣ около 1841 года, сочтено 364 высохшихъ озера, объяснено въ спискахъ населенныхъ мѣстъ «*микрокопизмомъ*» земли. Но, тѣмъ не менѣе, употребленіе этого термина едва ли разрѣшаетъ всѣ вопросы. Это намъ напоминаетъ только нашу бесѣду съ однимъ старожиломъ-философомъ, который объяснялъ исчезновеніе всѣхъ водъ тѣмъ, что земля въ одномъ мѣстѣ наберетъ воды, а въ другомъ выпуститъ, но зачѣмъ она наберетъ и выпуститъ, этого онъ объяснить не могъ.

— Что же такое, что вода исчезнетъ, утѣшалъ насъ одинъ землеѣръ: — за то въ другомъ мѣстѣ появится; вотъ, я знаю, на моихъ глазахъ, тоже въ нѣкоторыхъ волостяхъ, нѣсколько лѣтъ крестьянскія пашни вода залила. Въ Ишимскомъ округѣ до 100,000 десятинъ затоплено было.

Но и подобное наводненіе намъ казалось весьма мало утѣшительнымъ, особенно когда оно появляется на пашняхъ.

Все это, быть можетъ, людямъ, присмотрѣвшимся къ сибир-

ской природѣ, не рѣдкость; но иныхъ это поражаетъ неожиданностью.

Такъ, на той же Барабѣ намъ рассказывали, напимѣръ, про не мало удивленныхъ проѣзжихъ, которые, близъ барабинскихъ озеръ, велѣли везти себя на одну рыбалку, а ямщикъ ихъ привезъ на песокъ.

— Гдѣ же рыбалка? вопрошали они.

— Да здѣсь рыбалка!

— Врешь ты все, какая это рыбалка!

— Нѣтъ, не вру!

Долго спорили путешественники, пока не расхохотались и не выпили на мѣстѣ высохшей рыбалки за упокой ея.

Если для многихъ это вещь совершенно неудивительная и не важная, то нѣкоторые могутъ все-таки удивиться, зная, что было озеро, да еще шутка сказать, въ 1,206 квадратныхъ верстѣ и нѣтъ озера, была рыбалка и нѣтъ рыбалки. Въ статистикахъ все пишутъ, что есть карась, а карася давно нѣтъ. Это можетъ быть даже очень обидно, не говоря о грустныхъ размышленіяхъ: «ну, а что какъ и чебакъ пропадетъ!»

Мы просимъ извиненія, что на минуту задумались предъ этой terra incognita нашихъ внутреннихъ владѣній. Въ самомъ дѣлѣ, среди нашихъ населенныхъ мѣстностей исчезло цѣлое море и стало степью, оскудѣли промыслы, передвинулось населеніе, можетъ быть угрожаетъ тоже и остающемуся, а мы все еще ничего не знаемъ, или еще хуже «русскимъ авось», увѣровали, что все это дастъ Богъ возобновится.

Несомнѣнно, что здѣсь совершается какой-то загадочный физическій процессъ, можетъ быть, финалъ давно длящагося осушенія внутренняго моря арало-каспійской низменности. «Ну, а что какъ исчезнуть послѣдніе остатки этихъ питающихъ пустыню озеръ?» и мы еще разъ остановили взоръ на голубыхъ водахъ этого прекраснаго озера, съ его синѣющею далью и утонувшими въ немъ зелеными островами.

Н. Ядринцевъ.